

щей мало общаго съ этикой и ничего общаго съ спекулятивной философiей или какимъ-либо преуспѣяніемъ человѣческой мудрости. Такимъ образомъ, вся драма, несмотря на многообъемлющее содержаніе и на просторъ, который она даетъ фантазiи, будто замкнута между двумя родственными моментами. Въ первой сценѣ Фаустъ, замученный мыслью, въ роковую минуту умиляется, услышавъ давно знакомые ему звуки священнаго напѣва о смерти и воскресеніи, о безсмертіи и неизмѣнной любви. Послѣ жизни, богатой сомнѣніями и надеждами, борьбой и трудами, Фаустъ въ послѣдней сценѣ является намъ въ таинственномъ полусвѣтѣ загробнаго существованія, въ который фантазія облекаетъ „тѣ страны, изъ которыхъ путникамъ нѣтъ возврата“; мистическій ореолъ окружаетъ человѣка, который хотѣлъ завоевать разумомъ міръ невидимый и стать властелиномъ на землѣ, опирался на науку. Такимъ образомъ, поэтическая правда въ главныхъ моментахъ одержала верхъ надъ трудами ученаго и мыслителя во второй части драмы, или вѣрнѣе: совпала съ ними, можетъ быть, и безсознательно. Конецъ „Фауста“ указываетъ на простое, дѣтское отношеніе къ вѣчно-неразрѣшимымъ вопросамъ. И наука, и внутренний голосъ одинаково указывали на рѣшеніе въ области этики; но душа его возносится къ тѣмъ высямъ, которыя онъ предчувствовалъ, и надъ нимъ раздается та пѣснь, которая звучитъ и въ человѣчествѣ изъ рода въ родъ: „Все скоротечное есть только символъ“. И поэзія, и искусства суть только отрывки и отголоски той вѣчной пѣсни, въ какіе бы символы она ни облекалась. Пониманіе этихъ символовъ, связь между тѣмъ, что проходитъ, и тѣмъ, что вѣчно, между относительнымъ и абсолютнымъ во всѣхъ проявленіяхъ человѣческаго духа, вотъ та задача, которую сознательно или безсознательно преслѣдуетъ человѣчество. Если вѣрно, что изъ союза науки, разсматривающей совокупность фактовъ, и философiи, стремящейся подвести многостороннюю сложность явленій подъ высшее единство, возникаетъ новая эра въ исторіи мышленія, то пророческій смыслъ получать и для науки послѣднія слова Гётевой драмы.

Но мы въ современной литературѣ находимъ указанія на регрессивную эволюцію, совершающуюся въ области мысли, какъ послѣдствіе того крайняго отрицанія, которое должно найти равновѣсіе въ возвратѣ къ осужденной метафизикѣ. Вѣкъ нашъ дошелъ до того кризиса мысли, когда, при трудности союза двухъ началъ, занимающихъ враждебное положеніе, — разрывъ между ними долженъ быть окончательнымъ, и наука должна, относительно спиритуализма, занять (какъ она пыталась это сдѣлать во